

Ровно в девять утра охранники в форме разом захлопнули все входные двери, и по лекционной аудитории пронеслось эхо. Охранники удовлетворенно ухмылялись: по большому счету их обязанности по поддержанию порядка ограничивались тем, чтобы терпеть непоседливых студентов, а потому ежегодный ритуал запираания дверей дарил им мимолетное ощущение победы над хаосом.

Грохот захлопнувшихся дверей оборвал разговоры, и притихшие студенты, рассеявшиеся на расположенных уступами скамьях, с любопытством вытянули шеи в сторону выхода. В тот же миг в запертые железные двери отчаянно забарабанили, но вскоре громоухание смолкло: охранники, дежурившие в коридоре, разъяснили опоздавшим, что лекция уже началась, и попросили покинуть помещение.

Первая лекция для первокурсников, первый день первого семестра. Опоздавших не пускали.

Добро пожаловать в университет.

Профессор Джеймс К. Морби — за глаза его называли «Морби-гробовщик», ошибочно полагая, что он об этом не знает, — вышел из тени и быстрым шагом направился к кафедре. На нем был синий костюм с иголочки, белоснежная рубашка и туго затянутый галстук. Этот наряд профессор

носил в течение всей первой недели первого семестра, после чего возвращался к привычным для него джинсам и бейсболке. И строгий костюм, и аккуратно приглаженные волосы, и гладко выбритые округлые щеки, и суровый взгляд карих глаз — все служило определенной цели. На хорошо отрепетированный спектакль для вчерашних школьников, которых предстояло преобразить в студентов университета, Морби отводил три лекции в течение первой недели.

— Вас рассадили в определенном порядке, чтобы я мог обращаться к вам по имени, — сказал он в микрофон и выдержал паузу.

Первокурсники в смущении переглянулись и принялись спешно пересаживаться. Кто ж знал, что план рассадки — не шутка?

Морби заметил пустующий ряд и взглянул на экран ноутбука.

— Таким образом, если мне понадобится мистер Брош... Мистер Брош? Кевин Брош? Вы здесь? Похоже, что нет. Но если бы вы были здесь, я бы знал, куда смотреть, чтобы обратиться к вам.

Морби помолчал и мысленно представил себе лицо Кевина Броша, которому сообщили, что профессор вызывал его во время лекции. Мистер Брош больше не пропустит ни одного занятия.

Аудитория притихла, переваривая его слова. Морби знал, что первокурсники, вовремя явившиеся на лекцию — кто в силу чувства ответственности, а кто и просто случайно, — сейчас втайне гордятся собой. Ничего, вскоре их самодовольство улетучится.

Почти весь уик-энд свежеиспеченные первокурсники осваивались в новой обстановке, а в воскресенье вечером, когда родители со слезами на глазах простились и уехали, они окончательно

распробовали вкус свободы и упивались ею до самого утра. Сонными глазами, мутными от похмелья и недосыпания, взирали они на Морби. Позади ночь кутежа и распутства. Еще бы, ведь высшее образование уже практически у них в кармане.

Морби предстояло выбить это ошибочное представление из юных голов. Он читал единственную потоковую лекцию для всех первокурсников и единственный из всех преподавателей брал с места в карьер, пока остальные надиктовывали списки литературы в ожидании, когда Морби-гробовщик сделает свое дело.

— Итак, к следующему занятию прочесть первые пять глав по теме «верхний палеолит». — Десятки страниц, в школе и на неделю столько не задавали! — Контрольная работа в среду. В пятницу сдать рефераты.

Детки были умненькие, иначе они бы тут не сидели. Но слушать курс Морби по ранним представителям рода Номо было все равно что прыгать с вышки в бассейн, не умея плавать. В среду утром перед головоломной контрольной работой они придут в отчаяние, а к вечеру запаникуют из-за оценок. Ученый до мозга костей, Морби десять лет отслеживал результаты первой контрольной работы и гордился отрезвляющими итогами: семьдесят пять процентов учащихся пролетят, как фанера над Парижем, двадцать — с трудом наскребут на «троечку», и с пяток счастливицков чудесным образом напишут на «четверку».

За всю историю курса никто ни разу не написал первую контрольную на «пять». Да и сам Морби сомневался, что осилил бы эти каверзные вопросы.

Обливаясь холодным потом при мысли, как сообщить родителям, что их вытурили из университета, первокурсники засядут за рефераты с пылом

новообращенных. В среду и четверг пьяных студентов в студгородке будет на порядок меньше.

— К вопросу о рефератах. Долгое время считалось, что ранние Номо вели мирное существование, не вступая в конфликты с другими представителями своего рода. Однако за последние годы сформировалась альтернативная точка зрения, согласно которой доисторический человек обладал не менее жестоким и воинственным нравом, чем наши с вами современники. — Морби оглядел аудиторию: подавляющее большинство студентов погрузились в состояние глубокой летаргии. — Объем реферата — две с половиной тысячи слов. Приведите аргументы в поддержку одной из двух точек зрения: какими были наши предки — мирными или воинственными? Не важно, какую теорию вы решите отстаивать. Главное, будьте последовательны, цитируйте надежные источники и ни в коем случае не списывайте.

Несмотря на последние слова и на предостережение об уголовной ответственности за плагиат, жирным шрифтом выведенное на форзаце учебников, Морби знал, что в следующий понедельник как минимум двум из десяти студентов, получившим обратно красные от исправлений рефераты, будет грозить испытательный срок. Воспитанные в традициях «скопировать и вставить», эти ребята искренне не понимали, что значит «нарушение интеллектуальной собственности».

Публичное обвинение в плагиате считалось большим унижением, однако благодаря чувству благоговейного ужаса, которое вселяла в первокурсников эта перспектива, проблема списывания в университете, где преподавал Морби, стояла не так остро, как в других, менее взыскательных вузах.

К концу семестра упоминание об испытательном сроке будет стерто из личных дел, а отвратительные оценки за первый реферат сгладятся на фоне огромного количества последующих рефератов и проверочных работ, составленных с академической, а не воспитательной целью.

— Итак. Последнее крупное оледенение, начавшееся около тридцати тысяч лет назад, — на экране позади Морби вспыхнул слайд с изображением карты восточного полушария, — без сомнения, наиболее драматичный период в истории нашего вида. Нынешние изменения климата ничто в сравнении с тогдашними перепадами температур! На смену умеренному климату приходило время, когда лед не таял даже в летние месяцы. Надвигающиеся ледники сокращали площадь лесов, что вынудило наших предков выйти на открытые равнины, где они охотились и нередко сами служили добычей.

На экране появился новый слайд: изображение гигантского, размером с медведя, пещерного льва, готового к прыжку. Хищник напоминал африканского льва, но был весь покрыт косматой серой шерстью.

— Посмотрите, какая громадина! Судя по найденным скелетам животных того периода, это были настоящие чудовища в сравнении с современными представителями своих видов. Нашим предкам не только приходилось драться за добычу с такими свирепыми хищниками, как львы, волки и медведи, но и удирать от них. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни была крайне мала — тридцать-тридцать три года. Многие не доживали до вашего возраста.

Мало-помалу студенты включались в работу.

— Еще нам приходилось тягаться вот с этим товарищем. — На экране возникло изображение неандертальского человека. — Присмотритесь хоро-

шенько. Ростом не выше нашего, зато куда мощней, сильней, с более развитым мозгом. И тем не менее мировое господство оказалось в наших руках, хотя по всем признакам доминировать должны были бы потомки неандертальцев. Почему мы вырвались вперед? Перефразируя Фолкнера, что помогло нам выстоять и победить?

Морби, поставив любимый слайд, со знающей улыбкой обернулся, ища глазами своего ассистента, Томми. Однако место Томми пустовало. Улыбка Морби дрогнула. Странно, что Томми сегодня нет. Профессор пожал плечами и взглянул на слайд — красочную фотографию с изображением недавно обнаруженных наскальных рисунков, принадлежащих к ориньякской культуре. В неразберихе линий, оставленных поколениями художников, проступали очертания лосей, оленей и разъяренных львов, смешавшихся в дикой погоне друг за другом. Посреди этого хаоса выделялся главный, центральный рисунок: изображение человека, по всей видимости, державшего в руках поводок, ведущий к ошейнику красного цвета на шее огромного представителя семейства собачьих. Прирученного волка.

— На этот счет у меня есть собственные теории, — продолжил Морби с благоговейным трепетом в голосе.

Здесь они с Томми, как правило, снова заговорщицки переглядывались, а студенты, опустив глаза на обложку учебника, в изумлении вскидывали брови, заметив фамилию и инициалы Морби.

Теперь им придется читать учебник от корки до корки, ведь экзамен будет принимать сам автор. Им придется сосредоточиться и вникать в смысл написанного, отчего многие всей душой возненавидят предмет и, встретив в тексте упоминания о теории

Морби, той самой, на которой зиждется его научная карьера, не придадут ей должного значения.

— У нас нет письменных источников о том времени, когда на долю человечества выпали суровые испытания. Мы лишь можем строить предположения на основании ограниченных палеонтологических данных. Разве мы отыскивали останки представителей всех видов, обитавших в то время на суше и на море? Вряд ли. Можем ли мы описать, каким был ландшафт до того, как измениться под влиянием ледников? Нет. Одно мы можем сказать с уверенностью: люди, населявшие землю в то время, не отличались от нас. Их мозг не отличался от нашего. Да, ростом они были пониже, и продолжительность жизни у них была меньше нашей, однако нет оснований полагать, будто они не могли общаться между собой. У них просто не было языковых символов, по крайней мере таких, которые сохранились бы до наших дней. Когда будете читать о том, как жили доисторические люди, помните: мы — их прямые потомки.

В этот момент случилось небывалое: входные двери распахнулись, и в аудиторию, как шериф с ордером на обыск, ворвался Томми. Не обращая внимания на обалдевших первокурсников, привставших из-за столов, чтобы получше рассмотреть, кто так бесцеремонно прервал занятие, Томми решительно зашагал по проходу. Глаза у него горели.

У Морби перехватило дыхание, сердце бешено заколотилось. Томми прочел вопрос в его лице и радостно закивал, в два прыжка преодолев ступеньки, ведущие на сцену. Оказавшись у кафедры, Томми закрыл рукой микрофон. По аудитории пробежал шепоток.

— Я только что говорил с Бошаном, — начал Томми с плохо скрываемым торжеством в голосе.

— Ее нашли, — шепнул Морби, и холодок пробежал у него по спине.

Томми радостно закивал.

— Да. Нашли, — подтвердил он.

Наставник и последователь молча уставились друг на друга, изумленные новостью. Вспомнив о лекции, Морби медленно повернулся к слушателям. Томми убрал руку с микрофона.

— Дамы и господа, это мистер Рукер, мой ассистент. Он продолжит лекцию и в течение следующих двух недель будет вести занятия. У меня появилось неотложное дело. Мне нужно успеть на самолет.

* * *

Через семьдесят два часа Морби склонился над раскопанным участком. Земляной пласт был убран, являя взгляду скрытые под ним сокровища. Рядом с Морби стоял Бернар Бошан, его давний приятель и соратник, и студент Бошана, выпускник по имени Жан-Клод. Перед ними лежал мужской скелет вида *Homo sapiens*, тщательно очищенный аккуратными движениями кисточек. Кости прекрасно сохранились — редчайшая находка! Должно быть, много тысяч лет назад этого человека погребли с большим почетом и любовью.

Однако самым удивительным было то, что покоилось рядом с человеческими останками: огромный волчий скелет, размерами превосходящий любого из волков, виденных Морби. Позже углеродный анализ подтвердит догадку профессора: человек и волк были погребены вместе.

Морби плакал, как младенец. Бошан подхватил своего американского коллегу под руки.

— Ты был прав, друг мой.

Жан-Клод, на вид не старше первокурсников, оставленных Морби на попечение своего ассистента, привез профессора к месту раскопок, зная только то, что этот американец — закадычный приятель его научного руководителя. Жан-Клод слегка оторопел, наблюдая за бурей эмоций, охватившей обоих исследователей.

— Глянь на шею. Видишь? — прошептал Морби по-французски.

— Красный, — откликнулся Бошан, с сильным акцентом говоря по-английски.

Органическая материя истлела, зато кости обрели дополнительную крепость вследствие минерализации, благодаря чему отлично сохранились. Что бы ни было обвязано вокруг волчьей шеи, оно ушло безвозвратно, однако кости хранили пыльно-красный след оксида железа, входившего в состав пигмента, — того же самого красного оттенка, что и на наскальных рисунках.

— Волк? Или собака? — шепотом спросил Жан-Клод.

— И волк, и собака, — пробормотал Бошан.

— Нет, — исправил коллегу Морби. — Не просто собака. — Он обернулся и посмотрел на Жан-Клода. — Вы нашли первую собаку в истории человечества.

Жан-Клод принял задумчивый вид, а Морби спросил себя, действительно ли молодой человек видит то же, что видят они с Бошаном — палеонтологическое свидетельство решающего момента в истории человечества, благодаря которому люди выстояли и победили.

— А этот человек — он кто? И почему он погребен вместе с собакой?

Морби встал с колен и отряхнул штаны. В послеполуденном солнце задрожало, искрясь, облачко пыли.

— Интересный вопрос, — согласился Морби. — Я сам много лет пытаюсь найти научное объяснение тому, как волки сделали спутниками человека. Но что, если взглянуть на проблему под другим углом: как мы, люди, стали жить бок о бок с волками? Как из легкой добычи превратились в их хозяев? В таком контексте речь идет уже не об эволюции, а об адаптивном поведении, и процесс занимает не столетия, а всего одно поколение. Жизнь одного человека. Лет двадцать. Да, Жан-Клод, вы задали очень, очень важный вопрос.

Кто этот человек?

КНИГА
ПЕРВАЯ

